

Анна Людинцева

г. Челябинск

Глобальный шанс

При всех сомнениях в востребованности современной литературы вообще, при постоянных сетованиях на то, что «никто ничего не читает», литературное движение в России сегодня переживает очевидный подъём и даже, можно сказать, расцвет.

Достаточно оценить количество литературных акций, проходящих в стране – праздников, фестивалей, конкурсов, Сопещаний молодых авторов, – чтобы убедиться в этом. Многие из этих масштабных акций проводятся далеко не первый год и уже стали традиционными. Издаются – в сложных экономических условиях, но тем не менее, – «толстые» литературные журналы, причём всё более активно – в регионах. Возродились старые, традиционные литературные объединения и появляются новые – при библиотеках, школах, вузах... Литературное движение охватывает все возрасты – от школьников до ветеранов.

Чем же объяснить видимое противоречие между общепринятой оценкой литературы и реальным положением дел, и есть ли оно вообще, это противоречие? Неужели и вправду сегодня пишут и читают только сами себя или «своих»?

Если посмотреть на литературную ситуацию 2010-х пристрасшно-внимательно, можно увидеть много интересного – как обнадеживающего, так и тревожного, да и само видение и понимание происходящих в литературе процессов помогает предугадать определённые общественные тенденции. Ведь литература – одна из основных форм общественной рефлексии, и подспудно зреющие в ней смыслы, как правило, через какое-то время можно обнаружить уже и в реальности жизни.

Первое, буквально очевидное, что мы можем отметить, – это **существенное, всё увеличивающееся расхождение между тем, что сегодня рекламируется (пропагандируется), официально премируется и считается «современной литературой», – и тем, что оказывается действительно востребовано или даже (риснём предположить по результатам довольно широкого общения) подспудно желаемо читателями.**

То есть налицо разделение литературы на официально признанную (для различных слоёв общества разную: кому попроще – рыночную, а интеллектуалам, естественно, – идеологическую) и стихийную – издаваемую на случайные гранты, на редкую спонсорскую помощь, в исключительных случаях для отдельных регионов – по программе поддержки местных авторов. «Стихийная» литература вовсе не является «самозванкой»: она обретает статус более чем реальной через «толстые» литературные журналы в столицах и регионах страны.

Это разделение по части напоминает происшедшее в позднесоветский период, когда внимание и интерес читателей были сосредоточены на тонко навязываемом «самиздате» и «тамиздате», а из поля зрения постепенно уходили и классики, и современники. Только тут ситуация обратная – от навязываемого рыночно-идеологического читатель по собственному желанию уходит к тому, что ему видится не просто интересным, но жизненно необходимым.

Подобное разделение точно указывает на то, что в нашей общественной жизни есть очевидное противоречие, всё увеличивающийся зазор между желаемым и насаждаемым, предполагаемым в идеале и реальным. При этом рыночно-идеологическая литература сама себя неизбежно загоняет в тупик: рыночная – в макулатуру, идеологическая – в филологическую резервацию, где принято хорошим тоном рассматривать и оценивать формы, приёмы, изыски стиля – и ненавязчиво уходить от оценки нравственно-эстетического основания произведения.

К концу 2010-х эта тенденция уже подходит к своему логическому финалу: несмотря на все усилия рекламы и идеологии то, что оказывается в своеобразной культурной резервации, там в конце концов и остаётся, а жизнь, в том числе литературная, идёт дальше. Хотя, конечно, печальные издержки тут неизбежны: во-первых, дезориентация читателей, и во-вторых, – что гораздо неприятнее, – частичный уход литературы из поля обсуждения общественных проблем.

Вторая из очевидных тенденций современного литературного процесса – **массовость литературного процесса, большая доля литературной самодеятельности в нём**. И в основе этой тенденции тоже лежит противоречие – между потребностью значительной части общества в жизненных нравственных ориентирах, в активном осмыслении своего бытия, в том числе и общественного (а это всё даёт именно литература), – и отсутствием наиболее глубоких и талантливых литературных выразителей идеи частного или общественного бытия человека.

Причём отсутствие это кажущееся, абсолютно мнимое. Писатели есть – нет пока ещё полноценной литературной среды, охватывающей всё пространство страны, среды, в которой возможно построение своеобразной писательской иерархии, выделение «первого», «второго» и пр. эшелонов. Попытки выстроить иерархию предпринимались в последнее время множество раз, за дело брались как отдельные поэты (в Екатеринбурге, например, свой вариант предложил Юрий Казарин), так и организации: на уровне Союза писателей России (на сайте «Российский писатель») вопрос попытались решить максимально масштабно.

Все эти попытки потерпели крах, поскольку процесс «кристаллизации» литературной среды пока ещё только идёт – и идёт весьма активно, через литературные журналы, фестивали и конкурсы различного уровня. И для того, чтобы подлинная иерархия в современной литературе, наконец, выстроилась, нужен диалог в двух направлениях: писателей между собой и писателей с читателями.

Подобный диалог начал выстраиваться уже давно, постепенно-поступательно, с самого момента разрушения СССР и утраты литературных связей между регионами. Сегодня практически каждая область России стремится стать (и становится) литературным центром, реализует масштабные проекты открытого характера, в которых может принять участие любой пишущий из России, ближнего или дальнего зарубежья. Сам журнал «Кольчугинская осень», где опубликована эта статья, – яркий пример такого подвижничества по собиранию литературных сил. А ведь Ленинск-Кузнецкий – даже не областная столица, и тем не менее он довольно быстро стал заметным литературным центром России.

Мы видим, что на месте централизованной, иерархичной советской литературной системы в течение полутора-двух десятилетий выстроилась система сетевая, призванная восстановить и укрепить разрушенные когда-то связи. И золотыми звеньями этой сети стали литературные праздники, посвящённые русским классикам. В частности, Шукшинские дни и Рождественские чтения на Алтае, Гончаровский праздник в Ульяновске, Аксаковский фестиваль в Оренбурге, Астафьевские чтения в Перми, Цветаевские – в Елабуге...

Примеров можно привести великое множество, но особо хочется отметить, что в Центральной России традиция эта не прерывалась даже в самые трудные для культуры годы, а Сибирь сегодня поднимается «на именах», в том числе и поэтов современных, недавно ушедших из жизни: так, например, в Сургуте с 2017 года проходят Сухановские чтения, а в старинном сибирском городе Тара Омской области – чтения имени Леонида Чашечникова, в Ленинске-Кузнецком – фестиваль, посвящённый Алексею Бельмасову... Список можно продолжать, и замечательно, что в нём в ряд с именами классиков встают и наши современники.

Активное осмысление своего бытия, стремление создать жизнеспособные смыслы для настоящего и будущего неизбежно приведут к воссозданию литературной иерархии, где выразители современного русского национального сознания займут подобающее им достойное место. Культура, литература изначально иерархична, и эта иерархия – не указание типа «всяк сверчок знай свой шесток», а ступеньки возможного роста, необходимого восхождения к вершинам духа.

А как же литературная самодеятельность? При том, что сегодня это буквально лавина плохо изданных, в подавляющем большинстве безграмотных книг с кричаще яркими или нарочито скромными обложками, обилие пишущих показывает, сколь велика потребность в целостном поэтическом осмыслении жизни. Не найдя этого желаемого поэтического, будучи отлучённым от современного литературного пространства, наиболее активный потенциальный читатель волей-неволей становится плохим писателем – писателем для самого себя.

Но почему же, спросите вы, такой читатель-писатель не ищет необходимые ему смыслы в современной литературе, а сразу берётся за перо? Ответ очень простой: нет системы литературных ориентиров, официальная критика большей частью либеральна – то есть обслуживает рыночно-идеологическую литературу, не нужную читателю, другой критики мало – и она почти недоступна. А ведь читатель интуитивно по-прежнему ориентирован на литературную иерархию, на авторитет, в том числе и критиков... Что же ему остаётся?

Издержки этого явления довольно велики: девальвируется само понятие писательской профессии, падает ценность книги... Но тут, увы, ничего не поделаешь. Только литературная иерархия вернёт самодеятельность на тот уровень, где она будет не просто уместна, но и необходима. Ведь это по-хорошему пристрастные собеседники, возможные пропагандисты хорошей книги, настоящей литературы... И именно их сегодня катастрофически не хватает.

Вообще для русской культуры характерно в переломные моменты наращивать массовое литературное творчество – это один из принципов самосохранения русского человека, для которого в любой деятельности прежде всего важен смысл, максимально высокий, оправдывающий и труд, и само существование личности. Без этого смысла все затраченные усилия безрезультатны. А литература как раз и занимается созиданием, восстановлением, обновлением смыслов.

Поток «самодеятельности» с его неизбежными издержками войдёт в нужное русло

только тогда, когда выстроится литературная иерархия, а пока грани между писательством как профессией и писательством как странным хобби так и будут стираться, и далеко не всякая книга будет обретать культурную ценность.

Вернёмся к финальному тезису предыдущего абзаца – о литературной деятельности как о созидании смыслов. Здесь мы можем наблюдать ещё одну актуальную тенденцию, теперь уже внутри современной литературы. Но прежде чем её назвать, сформулировать, поглубже заглянем в самую суть, смысл литературной деятельности.

Поскольку мы говорим о живой, спонтанной, зачастую противоречивой деятельности, для принципиального понимания происходящего нам поневоле придётся увеличивать масштаб и несколько схематизировать картину – иначе есть серьёзный риск за обсуждением частных потерь потерять главное, за деревьями не увидеть леса.

Итак, в литературе всегда присутствуют три взаимосвязанных процесса: порождение и утверждение смыслов, их эксплуатация – и их разрушение. И существует определённая мера, пропорция того, другого и третьего. Собственно, одна литературная эпоха от другой и отличается преобладанием того или иного процесса, доминированием его над остальными.

Периоды активного смыслопорождения всегда связаны с духовным подъёмом общества, поиском выходов из социокультурных кризисов, строительством новых общественных отношений. Периоды эксплуатации уже имеющихся смыслов обычно предшествуют упадку общественной жизни, так называемому «застою». И, наконец, безоглядное разрушение смыслов безусловно совпадает с периодами социокультурных катастроф.

Процессы активного смыслоразрушения в русской культуре и литературе начались ещё с конца 1980-х, но поскольку они были инициированы практически извне, потребовалось достаточно много времени, чтобы они внедрились в ценностно-смысловое ядро здоровой культуры, и развернулась вакханалия разрушения уже в 2000-х.

Занимался этим преимущественно так называемый постмодернизм, зачастую принимавший в провинции облик антикультуры или вообще полностью утрачивавший культуру. Новизна приёмов в литературе этого направления, безоглядная лёгкость заимствования, цитирования, высмеивания и разрушения цитат, полная нравственная безответственность (а точнее, прямая безнравственность) – лёгкость сиюминутного бытия – привлекли внимание и увлекли за собой молодёжь целого поколения.

Пожалуй, манифестом этого явления можно посчитать нашумевшее стихотворение поэта, активно внедрявшего постмодернизм на Урале, Виталия Кальпиди – «В раю отдыхают от Бога». Для понимания смысла достаточно уже самого названия, но всё-таки процитируем: «Вчера я подумал немного // и к мысли простейшей пришёл: // в раю отдыхают от Бога, // поэтому там хорошо. // От веры в Него отдыхают, // от зелени жизни земной, // где ангелы, как вертухаи, // всё время стоят за спиной. // От ярости Бога, от страха, // от света божественной тьмы...»

Логика процессов разрушения была абсолютно чёткой: сначала разрушались идеологии советского периода – вместе с литературой, в которой они формулировались, затем подошла очередь русской классики (вспомним разнужданные кампании по очернению святых для культуры имён!), а потом вакханалия должна была продолжиться уже на развалинах базовых смыслов культуры.

Одновременно рыночно-идеологическая литература, которая оставалась гонимой, внедряла свои критерии литературы-нелитературы. В здоровой обстановке они выглядели бы смешно, как, например, постулат о том, что профессиональным писателем и писателем вообще может называться только тот, чей литературный труд оплачи-

ваiates гонорарами, а успешной книгой только та, которая многократно окупает затраты на производство тиража. Или откровенно уродливо – как, например, заказная русофобия. Но в невнятице затянувшегося переходного периода сходило с рук и это.

Литературные таланты стали буквально назначать, (что, впрочем, с развитием уже происходит во всём мире и практически во всех областях искусства), чтобы, не дай бог, не появилось нечто непредсказуемое в такой стратегической сфере, как литература. Когда в 2015 году Нобелевскую премию по литературе получила Светлана Алексиевич – журналист, публицист, но никак не создатель литературно-художественных произведений, масштабы рыночно-идеологической диктатуры в искусстве стали более чем очевидны подавляющему большинству читателей.

Но два в общем-то неслабых и прямо опасных разрушительных процесса – постмодернистская вакханалия и произвол идеологии рынка – столкнулись с тем, что составляет самую суть русской литературы и литературы вообще, и в конце 2010-х мы можем воочию увидеть, что внутри самой литературы всё очень сложно, но далеко не так безнадежно, как кажется.

И если попробовать сформулировать третью, основную тенденцию современного литературного процесса в России, то она может выглядеть следующим образом: **традиционная русская литература активизирует поиски смысла, наращивает силу, и эта деятельность выходит на первый план.**

Сегодня она уже настолько очевидна, что даже на волшебную лёгкость и безответственность постмодернистской игры «купить» читающую публику становится всё труднее. Постмодернизм (или то почти бытовое безобразие, что у нас обозначается данным термином) начинает активно приспосабливаться, понимая, что время его проходит.

Он пытается представить себя своеобразной традицией, берущей начало ещё в революционных бурях века XX, самозвано объявляется наследником литературных диссидентов 1960-1980-х годов, и вроде бы как получается, что он – это традиция, а всё остальное так себе. Он может предъявить себя как литературную школу, не имея ни малейших на то оснований, кроме эпатажных манифестов (как это произошло с «Уральской поэтической школой»), создавать «поэтические кластеры» и обещать «ускоренное развитие региональных литератур», но время его по большому счёту прошло. Функция разрушения в культуре всегда локальна – за исключением тех трагических периодов, когда речь идёт о разрушении самой культуры.

Рынок так или иначе тоже вынужден считаться с реальностью растущей силы литературной традиции, и хотя попытки «назначать классиков», конечно, не прекратятся, они уже не будут столь болезненны для читателя, ощущающего литературный голод по настоящему.

Однако и здесь нельзя не сказать об издержках, возникших в сложной социокультурной ситуации – издержках, которые необходимо так или иначе компенсировать. Это, конечно, утрата связи между читателем и писателем, слабость связующего звена – традиционной критики, приглашающей читателя в собеседники по поводу хороших книг. Это соблазны постмодернистской лёгкости (читай: безответственности) и рыночного успеха, остающиеся актуальными для молодого поколения литераторов. Это недостроенность литературной иерархии, размывание критериев оценки произведений и многое другое.

С другой стороны, в обществе созрела такая тоска по хорошей литературе, такая жажда произведений, дающих достойные ответы на жизненно важные вопросы, что читатель и писатель не могут не встретиться в откровенной беседе о современной русской жизни, о её настоящем и будущем. Здесь, конечно, очень важна роль государства

как системы управления народной жизнью – будет ли оно благоприятствовать этой встрече или препятствовать ей, но ситуация такова, что государственная поддержка литературы сегодня может дать многократный эффект для развития страны,

Мы все заморожены технологиями, меняющими жизнь, но наше духовное существование имеет иные основания, и пока личность, человек является ценностью, – эти основания остаются определяющими. Другое дело, что в последние десятилетия сама ценность человека постепенно ставится под вопрос, теряет свой безусловный статус. Но это та самая ситуация, когда мы очень сильно рискуем стать в Природе ненужным, лишним элементом, не несущим в себе никакого смысла и потому подлежащим уничтожению – деградаци и вымиранию. Литература – наш глобальный шанс остаться людьми.